

НИКОЛАС РОУЗ

Управление «развитыми» либеральными демократиями¹

Начатая феминистками кампания под лозунгом «личное — это политическое» обратила внимание на фундаментальные изъяны, существующие в современном политическом разуме. Политика стала отождествляться, с одной стороны, с партией и программой, а с другой — с вопросом о том, кто обладает властью в государстве, а не с динамикой властных отношений в ситуациях, с которыми каждый человек сталкивается в повседневной жизни. Одна из заслуг анализа, проведенного Мишелем Фуко и его коллегами, состоит в глубокой проблематизации форм политического разума, образующего эту ортодоксию, с тем, чтобы показать бессилие языка, который веками господствовал в политической философии и социологии с его конститутивными противопоставлениями государства/гражданского общества, господства/освобождения, общественного/частного и так далее. Во имя общественной и частной безопасности жизнь приводилась в соответствие с «социальным» измерением, при помощи гибридного набора средств управления небезопасностью. Во имя национального и личного процветания была создана «экономическая машина», которая могла иметь своим объектом экономику, состоящую из предприятий, конкурирующих на рынке, но структурировала эту область, насаждая формы экономического расчета, устанавливая фискальные режимы и регламентируя техники финансового регулирования и учета. Во имя общественного и личного здоровья был создан сложный аппарат здравоохранения и терапии, занимающийся управлением индивидуальным и социальным телом как жизненно важным национальным ресурсом и управлением «проблемами жизни», состоящий из техник консультирования и патронажа, врачей, клиник, наставников и консультантов.

¹ Nikolas Rose, «Governing „Advanced“ Liberal Democracies», in A. Barry, T. Osborne and N. Rose (eds.), *Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-liberalism and Rationalities of Government*. London: University College London Press, 1996, p. 37–64.

Таким образом, стратегии регулирования, которые сформировали наш современный опыт «власти», собирались в комплексы, которые связывали силы и институты, считающиеся «политическими», с аппаратами, которые формировали индивидуальное и коллективное поведение и управляли им в соответствии с определенными нормами и целями, но при этом конституировались как «неполитические». Каждый комплекс — это сборка различных компонентов — людей, форм знания, технических процедур и форм вынесения суждений и принятия санкций — это машина для управления, но только в том смысле, в котором Фуко сравнивал французскую правовую систему с машинами, проектировавшимися Жаном Тэнгли, машина, использующая различные элементы, набранные отовсюду, странные соединения, случайные связи, шестерни и рычаги, которые не работают — и в то же время «работают» в том смысле, что они создают эффекты, которые имеют значение и последствия, касающиеся всех нас (цит. по: Gordin 1980). Эти разграничения между общественным и частным, принудительным и добровольным, законом и нормой действуют как *внутренние* элементы внутри каждой из этихборок, связывая регулирование публичного поведения с субъективными эмоциональными и интеллектуальными способностями и техниками индивидов и этическими режимами, посредством которых они управляют своими жизнями.

Термин «политика» больше нельзя использовать так, словно его значение является самоочевидным; он сам должен стать объектом анализа. Необходимо поднять вопрос о значении, легитимности и пределах самой политики. Идея государства была и, определенно, остается одним из важнейших способов кодификации, управления и артикуляции — или же, напротив, оспаривания, ниспровержения и переартикуляции — разнообразных практик властного правления во всем нашем «современном» опыте. Но мечта или кошмар об обществе, программируемом, колонизируемом или подчиняемом «холодному монстру» Государства, не слишком подходит для понимания того, каким образом происходит управление нами сегодня. Необходимо поднять вопрос о том, как, каким образом и в какой степени обоснования, средства и авторитеты для управления поведением в многочисленных спальнях, на фабриках, в торговых центрах, детских домах, на кухнях, в кинотеатрах, операционных, аудиториях и так далее оказались связанными с «политическим» аппаратом? Как обязанности политических властей стали распространяться на здоровье, счастье и благополучие населения и тех семей и индивидов, которые его составляют? Как различные политические силы пытаются программировать эти новые области? Насколько они преуспели в создании центров расчета и действия, позволяющих узнавать о том, что происходит в отдаленных местах — больницах, службах социального обеспечения, на рабочих местах, в домах и школах, — и регулировать происходящее с помощью политических решений? Какие новые власти в управлении поведением — в особенности

бюрократы, менеджеры и эксперты — возникали или трансформировались в ходе этого? И в чем состоит отличие, если оно вообще есть, попыток управления при помощи подходов, которые сами себя называют либеральными и демократическими?

Три тезиса о либеральном правлении

Что такое либерализм, если рассматривать его не как политическую философию или тип общества, а с точки зрения управительности? Выдвинем три гипотезы.

Либерализм XIX столетия, если рассматривать его как *рациональность правления*, а не просто как совокупность философских и нормативных соображений о правлении, создал ряд проблем, касающихся возможности управления индивидами, семьями, рынками и населением. Они возникают из настойчивой потребности в ограничении политической власти, особенно в экономической и производственной жизни, публичных свобод слова и выражения мыслей, религиозной практики и семейного авторитета. Экспертиза — власть, возникающая в результате притязаний на знание, беспристрастность и эффективность, — начала предлагать множество решений этого очевидного противоречия между необходимостью управления в интересах морали и порядка и необходимостью ограничения правительства в интересах свободы и экономики. Либеральное правление работало не только благодаря политико-философским заявлениям о незыблемом разделении общественного и частного, политики и рынка, государства и гражданского общества, а благодаря тому, что разные знающие люди сделали эту формулу рабочей. Одной из первых таких фигур, осуществлявших новую форму моральной и технической власти, был филантроп. Но во второй половине XIX века филантропия была дополнена и заменена истинами, создававшимися и распространявшимися позитивными науками — экономикой, статистикой, социологией, медициной, биологией, психиатрией и физиологией. Тогда же появились экспертные фигуры ученого, инженера, государственного служащего и бюрократа: новые техники этического формирования и обучения личностей, которые могли осуществлять власть и использовать целый спектр научных и технических знаний, позволявших править во времени и пространстве (Osborne 1991).

В конце XIX — начале XX века эта формула управления начала казаться, с различных политических, моральных и философских позиций, неспособной создать необходимые экономические, социальные и этические следствия. Тогда родилась новая формула управления, которую можно назвать «социальной». Власть экспертизы слилась с формальным политическим аппаратом управления, побуждая правителей брать на себя обязательства по смягчению нежелательных последствий производственной жизни, наемного труда и городского существования

во имя общества (социальная солидарность, социальная защита, социальный мир, социальное процветание) и управлению этими последствиями. Эти теории, объяснения, модальности информации и специальные техники, предлагаемые экспертами, связывались в результате борьбы и стратегий в сложные механизмы правления, которые стремились восстановить интеграцию индивидов в социальной форме. Это было не столько распространением щупальцев центрального государства по всему обществу, сколько изобретения различных «правил правления», которые стремились превратить Государство в центр, *способный* программировать — формировать, направлять, канализировать, контролировать — удаленные события и людей. Управление людьми и деятельностью производилось *через общество*, то есть через воздействие на них в соответствии с *социальной* нормой и конституирование их переживаний и оценок в *социальной* форме. Перед лицом угрозы социализма, понимаемой как поглощение общества Государством, эти формулы государства всеобщего благосостояния стремились утвердить определенную внеполитическую сферу, одновременно разрабатывая множество техник воздействия на нее. Притязания экспертизы на истину были здесь весьма значительными: сила истины позволяла управлять удаленными событиями и людьми «на расстоянии»; политическое правление само по себе не устанавливало нормы индивидуального поведения, но оно наделяло соответствующими полномочиями многочисленных «профессионалов», выступавших в качестве «экспертов» по средствам социального управления. Был переосмыслен и субъект правления: если субъект, изобретенный в XIX веке, подчинялся некой индивидуализирующей моральной нормативности, то субъект государства всеобщего благосостояния был субъектом потребностей, установок и отношений, субъектом, включенным в отношения коллективной солидарности и зависимости и управляемым при помощи этих отношений.

Стратегии правления, порожденные благодаря этой формуле «государства всеобщего благосостояния», за последние пятьдесят лет претерпели фундаментальные изменения. Эти изменения были вызваны, с одной стороны, разнообразной критикой, которая проблематизировала государство всеобщего благосостояния с точки зрения его предполагаемых недостатков и его пагубных последствий для казны, индивидуальных прав и частной морали. С другой стороны, стратегические мутации стали возможными благодаря умножению новых средств управления поведением, которые в своих истоках по крайней мере отчасти восходили к «успехам» государства всеобщего благосостояния в деле закрепления власти экспертизы над целым спектром социальных целей и прививания гражданам стремления быть «культурными», здоровыми и развитыми. В многочисленных столкновениях между этими двумя силовыми линиями сформировалась новая формула правления, которую, возможно, правильнее всего было бы назвать «развитой либеральной». Развитое либеральное правление опирается на экспертизу

совершенно иначе, и также иначе связывает экспертов с технологиями правления. Оно стремится освободить государство от управления и разгосударствить практики управления, отделить авторитет экспертизы от аппаратов политического правления, переместить экспертов на рынок, управляемый рациональностями конкуренции, подотчетности и потребительского спроса. Оно стремится управлять не с помощью «общества», а с помощью регулируемых решений отдельных граждан, которые теперь конституируются в качестве субъектов выбора и стремления к самореализации. Индивиды должны управляться при помощи имеющейся у них свободы, но не как изолированные атомы классической политэкономии и не как граждане общества, а как члены гетерогенных сообществ, поскольку «сообщество» становится новым способом осмысления и управления моральными отношениями между людьми.

Правительство/управление

По замечанию Колина Гордона, Фуко употреблял понятие правительство/управление в двух смыслах (Gordon 1991; ср.: Фуко 2005б, Gordon 1986). Во-первых, чтобы обратить внимание на измерение нашего опыта (само по себе оно не является специфически современным), которое складывается в результате образов мысли и действия, касающихся формирования, направления, управления или регулирования поведения людей — не только других людей, но и себя самих — в соответствии с определенными принципами или целями. *Управительными*, а не теоретическими, философскими или моральными эти формы мышления становятся из-за своего стремления найти себе практическое воплощение, связать себя с различными процедурами и аппаратами, которые должны сделать их действенными — будь то практика ведения дневника для управления совестью, практики воспитания детей для управления детьми, практики безопасности и обеспечения средств к существованию для управления пауперизмом или техники финансовой записи и учета для управления экономической деятельностью. Разумеется, многие века люди размышляли о поведении — своем собственном и других людей, но такие мысли становятся управительными лишь в той степени, в какой они стремятся сделать себя техническими, поместить себя в мир, «реализовавшись» в виде *практики*.

Фуко употребляет термин правительство во втором и более ограниченном смысле, который помогает нам по-новому взглянуть на наш анализ проблематики правления, которая сложилась на Западе за последние три столетия. Под проблематикой правления я понимаю способы, которыми те, кто осуществляет правление, ставили перед собой вопрос об основаниях, оправданиях, средствах и целях правления и проблемах, задачах или амбициях, которые должны вдохновлять его. Понятие правительства/управления касается здесь области политическо-

го, но не как области государства или совокупности институтов и участников, а как области различных проявлений политического разума. Управительность, понятая как ментальность управления, предполагает заботу правителей о разрешении различных вопросов территории и ее населения для обеспечения его благополучия и одновременно разграничение между сферами действия различных типов власти.

Как *политическую рациональность*, управительность нужно анализировать как практики «формулирования и обоснования идеализированных схем репрезентации реальности, их анализа и настройки» — как своеобразную интеллектуальную машинерию или аппарат, благодаря которому реальность начинает мыслиться так, словно она поддается политическому программированию (Rose and Miller 1992; ср.: Miller and Rose 1990). Несмотря на несомненную важность всех мелких делишек и пороков политической деятельности, политические рациональности имеют *моральную* форму, затрагивая такие вопросы, как правильное распределение задач между различными властями, и идеалов и принципов, к которым должно обращаться правительство. Кроме того, политические рациональности имеют *эпистемологический* характер, отражая определенные представления об объектах, которыми нужно управлять — нация, население, экономика, общество, сообщество — и субъектах, которыми нужно управлять — граждане, подданные, индивиды. И они вырабатывают определенный *стиль аргументации*: сам язык здесь понимается как совокупность «интеллектуальных техник», делающих реальность мыслимой и практикуемой и конституирующих области, которые поддаются — или не поддаются — реформаторскому вмешательству.

Как совокупность *технологий управления*, управительность должна анализироваться с точки зрения стратегий, техник и процедур, посредством которых различные власти стремятся осуществлять программы правительства над подручными материалами и силами, несмотря на возможное или действительное сопротивление и противодействие. Это вопрос не воплощения идеализированной схемы в реальности путем усилия воли, а сложной сборки различных сил (правовых, архитектурных, профессиональных, административных, финансовых, оценочных), техник (нотации, вычисления, учета, экзамена, оценки), средств (исследований и схем, систем подготовки, строительных форм), которые обещают регулировать решения и действия индивидов, групп и организаций в соответствии с установленными критериями (ср.: Rose and Miller 1992: 183).

Технологии и средства, собираемые в аппарат Государства, не обладают единством или функциональностью, которая нередко приписывается им. «Власть Государства» — это следствие, а не причина, результат составления и сборки участников, потоков, строений, отношений власти в сравнительно устойчивые объединения, в той или иной степени мобилизуемые для достижения определенных целей общими средства-

ми. Это не вопрос господства «сети» при помощи «Государства», а скорее вопрос перевода. Перевода политических программ, артикулированных в довольно общих терминах — национальная эффективность, демократия, равенство, предпринимательство — в способы осуществления власти над людьми, местами или видами деятельности в определенных обстоятельствах и практиках. Перевод мысли и действия из «центра расчета» в множество мест, рассеянных по территории — перевод в смысле движения из одного места в другое. При помощи множества таких мобильных реле происходит установление отношений между теми, кто разделены между собой в пространственном и временном отношении, и между событиями и решениями в сферах, которые все же сохраняют свою формальную автономию. Состав таких сетей служит условием возможности для «действия на расстоянии»: просчитанное воздействие на поведение во времени и пространстве возможно лишь постольку, поскольку производится подобное выстраивание различных сил (ср.: Latour 1986). Но стратегии правительства, которое я называю «развитым либеральным», открыто стремятся использовать и инструментализировать такие возможности: эти рациональности воодушевляются стремлением «править на расстоянии».

Либерализм

Европейская наука XVIII века о полиции мечтала о временах, когда территория и ее обитатели будут прозрачными для познания — все будет записаны, учтены и задокументированы (Foucault 1989, Фуко 2005а; ср.: Pasquino 1991). Поведение людей во всех областях жизни должно было быть регламентированным вплоть до малейших деталей при помощи подробного изложения правил проживания, одежды, манер и так далее, предотвращая появление беспорядка при помощи фиксированного упорядочивания людей и деятельности (ср.: Oestreich 1982). Либерализм, как ментальность правления, отказывается от этой мегаломанской и навязчивой фантазии полностью управляемого общества. Правительство теперь сталкивается с реалиями — рынком, обществом, гражданами, — которые имеют свои собственные внутренние логики и плотность, свои собственные внутренние механизмы саморегулирования. По замечанию Грэма Барчелла, либерализм отказывается от *raison d'état* как рациональности правления, при котором суверен осуществляет свою тотализирующую волю в национальном пространстве (Burchell 1991). С одной стороны, правители имеют дело с подданными, наделенными правами и интересами, осуществлению которых *не должна* мешать политика. С другой стороны, они имеют дело с областью процессов, которыми они *не могут* управлять посредством суверенной воли из-за того, что им не хватает необходимых знаний и способностей. Объекты, инструменты и задачи правления должны быть пересмотрены с учетом этих областей рынка, гражданского общест-

ва и гражданства с тем, чтобы гарантировать, что они будут работать на благо нации в целом.

Два внешне нелиберальных полюса «власти над жизнью», выделяемых Фуко, — дисциплина тела и биополитика населения — находят свое место внутри либеральных ментальностей правления, поскольку правление становится зависимым от того, каким образом эти жизненно важные условия производства и управления сообществом свободных граждан делаются постижимыми и осуществимыми (Фуко 1999). Эти механизмы и средства, действующие в соответствии с дисциплинарной логикой, от школы до тюрьмы, создают субъективные условия, формы господства над собой, саморегулирования и самоконтроля, необходимые для управления нацией, состоящей теперь из свободных и «цивилизованных» граждан. В то же самое время биополитические стратегии — статистические исследования, переписи, программы увеличения или сокращения рождаемости или минимизации болезней и улучшения состояния здоровья — стремятся сделать постижимыми области, законы которых либеральные правительства должны знать и почитать: легитимное правительство — это не произвольное правительство, а правительство, основанное на понимании тех, о чьем благополучии оно печется (Foucault 1980). Поэтому правление должно осуществляться с учетом знания того, чем управляют — ребенка, семьи, экономики, сообщества, — знания общих законов функционирования (спроса и предложения, социальной солидарности) определенного государства во всякий данный момент времени (уровень производительности, уровень самоубийств) и способов, которыми оно может формироваться и направляться для достижения желаемых целей, при этом соблюдая их автономию.

Мы можем выделить четыре важные черты либерализма с точки зрения управления.

Новое отношение между правительством/управлением и знанием. Хотя все формулы правительства/управления зависят от знания того, чем именно управляют, и они сами составляют некую форму знания искусства государственного управления, либеральные стратеги связывают правительство с позитивным знанием человеческого поведения, выработанным в социальных и экономических науках. Деятельность правительства становится связанной со всевозможными фактами (обилие публикуемых цифр и других сведений рассматривается в: Hacking 1991): теориями (философии прогресса, представления об эпидемиях...), диаграммами (санитарная реформа, уход за детьми...), техниками (система двойной записи, обязательный медицинский осмотр школьников), знающими людьми, которые могут говорить «от имени общества» (социологи, статистики, эпидемиологи, социальные работники). Знание здесь обтекает множество аппаратов производства, учета, обращения, накопления, одобрения и осуществления истины: в академии, в правительственных ведомствах, в отчетах комиссий, обществен-

ных запросах и группах давления; именно «know-how» обещает сделать податливыми неуправляемые области, над которыми должно работать правительство, чтобы сделать правительство возможным и чтобы сделать его лучше.

Новое описание субъектов правления как участвующих в управлении самими собой. Либеральной ментальности правления, как правило, возлагают определенные надежды на субъектов управления. Распространенная в политике, праве, морали и не только идея, что субъекты — это индивиды, чьи права и свободы должны соблюдаться, для чего необходимо определенное ограничение легитимного политического или правового регулирования, возникла вместе с появлением множества новых практик, направленных на то, чтобы определенным образом формировать и регулировать личность. Либеральные стратегии управления, таким образом, становятся зависимыми от средств (школьное образование, домохозяйство, лечебница для душевнобольных, исправительная колония), которые обещают создать индивидов, не нуждающихся в управлении со стороны других, а способных самостоятельно управлять собой, быть самим себе хозяевами, заботиться о себе. И хотя абстрактный субъект прав может быть представлен в универсальной форме, новые технологии правления на всем протяжении XIX века предъявляли новые требования к позитивному знанию об определенных субъектах и создавали возможности для его получения. Это время дисциплин, которые одновременно определяют субъектов с точки зрения определенных норм цивилизации и проводят разграничение между цивилизованным членом общества и теми, кто неспособен ответственно пользоваться своими гражданскими правами и исполнять свои обязанности: женщина-детоубийца или одержимый тираноборец в суде, делинквентные мальчики и девочки в исправительном учреждении, проститутки или падшие женщины, мужчины и женщины, признанные безумными. Наблюдается начало болезненной и сложной миграции прав на истину о людях от теологии или юриспруденции к дисциплинам, которые обязаны этим новым технологиям управления самими условиями своего дисциплинарного появления. С этого времени либеральная управительность пронизана мечтой о соединении национальной цели — добропорядочного гражданина — с добровольно принятыми обязательствами свободных индивидов с тем, чтобы большую часть своей жизни последние прожили ответственно. В то же время самим субъектам придется принимать решения о своем поведении в сети словарей, указаний, обещаний, мрачных предостережений и угроз вмешательства, построенных во все большей степени вокруг многочисленных норм и нормативностей.

Отношение к власти экспертизы. Либеральное искусство правления с середины XIX века стремилось корректировать события, решения и действия в экономике, семье и частных предприятиях и поведение индивида, при этом поддерживая и содействуя их самостоятельности

и ответственности за самих себя. Эти формы вмешательства не отвечают единой логике и не образуют связной программы «государственного вмешательства» (ср.: Foucault 1980). Скорее, благодаря прозелитским усилиям отдельных реформаторов множество трений и неприятных вещей — эпидемий и болезней, краж и преступности, пауперизма и нужды, безумия и слабоумия, краха супружеских отношений — перекодировались в «социальные» проблемы, которые сказывались на здоровье нации и потому требовали новых форм властного внимания для их исправления. Отношения, складывавшиеся между политическими властями, правовыми механизмами и независимыми авторитетами, различались в зависимости от того, какие задачи они перед собой ставили — регулирование экономического обмена при помощи контракта, ослабление влияния фабричного труда на здоровье, сокращение социальной опасности эпидемий при помощи санитарной реформы, прививание морали детям из рабочих классов в производственных школах и так далее. В каждом из этих случаев эксперты, требуя, чтобы экономическое, семейное и социальное устройство управлялось в соответствии с их собственными программами, пытались мобилизовать политические ресурсы, вроде законодательства, финансовых или организационных возможностей, в своих собственных целях. Политические силы стремились сделать свои стратегии действенными не только путем использования законов, бюрократий, режимов финансирования и авторитетных государственных органов и агентов, но и посредством использования и инструментализации авторитета, отличного от авторитета «Государства, для управления — пространственного и конституционного — „на расстоянии“». Формально автономные экспертные органы облачаются властью, а осуществление этой автономии проявляется в различных формах лицензирования, профессионализации и бюрократизации. С этого времени область «политики» начинает отличаться от сфер властного правления, но в то же время остается неразрывно связанной с властью экспертизы.

Постоянные сомнения относительно качества управления. Социологи нашего состояния постмодерна придают особое значение «рефлексивности», которую они считают характерной чертой нашей эпохи (Giddens 1990; Lash and Urry 1994). Но «рефлексивность», которая призывает все попытки осуществления правления в нашем настоящем, не является отличительной чертой некой последней стадии современности; она с самого начала характеризовала либеральные политические рациональности. Либерализм сам ставит перед собой вопрос «каковы основания правления?» — вопрос, который ведет к требованию, чтобы за теми, кто правит, осуществлялся постоянный критический надзор — со стороны других и со стороны самих властей. Ибо если объекты правления управляются своими собственными законами, «законами естественного», то при каких условиях можно легитимно подчинить их «законам политического»? Кроме того, либерализм ставит перед собой вопрос

«кто может править?» При каких условиях один осуществляет власть над другим, на чем основывается *легитимность* власти? И ответ на вопрос об авторитете власти должен отсылать не к чему-то трансцендентному или к харизматической *личности* лидера, а к различным техническим средствам, наиболее надежными из которых оказываются демократия и экспертиза. Либерализм знаменует собой постоянную неудовлетворенность правительством, постоянное вопрошание о том, достигнуты ли желаемые следствия, о политических ошибках, мешающих эффективности правительства, постоянное выяснение причин неудач в сочетании с постоянным требованием лучшего правления.

Управление государством всеобщего благосостояния

Реальная история либерализма конца XIX–XX веков связана с рядом трансформаций в проблематике правления. Возрастание управительности Государства связано с тем, что управляемость демократии, если воспользоваться выражением Жака Донзело, создает немало трудностей, решением которых, по-видимому, и стала «социализация общества» (Donzelot 1991; см. также: Rabinow 1989: Chs 4–6; Ewald 1991). Многие утверждали, что проекты либерализма XIX века потерпели провал, а филантропические и дисциплинарные проекты, которые должны были помочь избежать деморализации и сохранить моральный порядок в городских рабочих классах, оказались бессильными перед силами социальной фрагментации и индивидуализации современного общества, о чем свидетельствует уровень самоубийств, преступности и социального недовольства. Кроме того, экономические вопросы – в частности, трудности с занятостью и тяжелые условия фабричного труда – имели серьезные социальные последствия, которые не удалось смягчить рудиментарными ограничениями фабричного законодательства и тому подобными вещами – они вредили здоровью, создавали опасность вследствие отсутствия постоянной занятости и способствовали росту воинственности рабочих. «Социальное обеспечение» было одной из формул перекодирования, которое затрагивало также множество других измерений, отношений между политической областью и управлением экономическими и социальными делами, в которой власть экспертов как тех, кто мог высказывать и претворять в жизнь истину о людях в их индивидуальной и коллективной жизни, приобретал новое значение. В этой новой формуле социального обеспечения политические власти, используя финансовые, технические и юридические возможности Государства, становились гарантами свободы индивида и свободы капиталистического предприятия. Государство должно было взять на себя ответственность за создание ряда технологий управления, которые могли «социализировать» индивидуальное гражданство и экономическую жизнь во имя коллективной безопасности. Эта формула правления заняла промежуточное положение между классическим

либерализмом и зарождавшимся социализмом. Возможно, наиболее спорной сферой ее действия была сама экономическая область, где вмешательство должно было ослабить обособленность рынка и предприятий, сохранив при этом их формальную автономию. Но безопасность экономики также обеспечивалась при помощи воздействия на социальную среду, в которой разворачивались производство и обмен: при помощи управления самим обществом (ср.: Procacci 1989).

Социальное страхование и социальная работа могут служить олицетворением двух осей этой новой формулы правления – включающей и солидаристской, индивидуализирующей и связанной с ответственностью. Социальное страхование – это включающая технология управления (O'Malley 1992; Rose 1993). Оно воплощает социальную солидарность в коллективизации управления индивидуальными и коллективными угрозами, исходящими от опасной и капризной системы наемного труда в экономике и уязвимости человеческого тела перед болезнями и увечьями, под чутким руководством «социального» Государства. Таким образом, социальное страхование устанавливает новые связи и отношения между «публичными» нормами и процедурами и судьбой индивидов в их «частном» экономическом и личном поведении. Это лишь один из многих способов, при помощи которых с начала XX века ослаблялась «приватность» частных сфер семьи и фабрики. Вместе с другими регулируемыми средствами – такими как социальное жилье, законодательство в области охраны труда и техники безопасности, а также законов об уходе за детьми, автономия экономического и семейного пространств ослабла, и начали формироваться новые векторы ответственности и обязанностей между Государством и родителем, ребенком и работодателем.

Социальная работа, соответственно, действует в рамках стратегии, в которой защита обеспечивается благодаря исполнению членами общества своих гражданских обязанностей перед недееспособными или сбившимися с пути индивидами (Donzelot 1979; Rose 1985; Parton 1991). Она воздействует на специфические проблематичные случаи, распространяясь на них из мест индивидуализированных суждений об определенном поведении, которое оценивается как патологическое по отношению к социальным нормам. Суд по делам несовершеннолетних, школа, службы, занимающиеся «трудными» или «отстающими в развитии» детьми, действуют как инстанции вынесения суждений и координации этих стратегий, нацеленных не столько на отдельного гражданина, сколько на индивидов, включенных в матрицу семьи. Повседневная жизнедеятельность, гигиенические процедуры членов семьи, прежде считавшиеся тривиальными формы взаимодействия между взрослыми и детьми препарируются экспертами, рассматривались с точки зрения нормы и отклонения, оценивались с точки зрения своих социальных издержек и последствий и подчинялись режимам образования или исправления. Затем семья должна была быть превращена в социальную машину (ее нужно было сделать социальной и использовать для соз-

дания социальности), насаждая техники ответственного гражданства под бдительным присмотром экспертов с использованием различных санкций и поощрений. Сложные сборки позволяли государственным службам и ведомствам действовать в качестве центров, делая возможным перенос выработанных ими представлений в множество микромест, где поведение гражданина могло проблематизироваться и приводиться в соответствие с нормами, калибрующими личную нормальность с целью достижения определенных социальных последствий. Индивид и семья должны были «одновременно исполнять свои обязанности, пользоваться своими правами, реализовывать свои естественные способности и учиться необходимым вещам у специалистов с тем, чтобы ответственно относиться к своей свободе» (Rose 1993: 13).

Таким образом, политический субъект должен был быть переосмыслен как гражданин, наделяемый правами на социальную защиту и социальное образование взамен на принятие социальных обязательств и социальной ответственности, что вело к преобразованию и в то же время сохранению либерального характера «свободы» и «частной жизни» (Rose 1987). Чтобы стать совместимой с демократией и свободой, защищенность необходимо было соединить с ответственностью. Сталкиваясь с моралистическими, филантропическими и дисциплинарными проектами либерализма XIX столетия, социальное управление включало в сферу политики многочисленные сети, посредством которых государство могло пытаться управлять отдаленными событиями, местами и людьми. Экспертиза приобретала власть, не только связывая представления, выработанные в одном месте, с действиями в другом, но еще и обещая связать способность субъектов к самоуправлению с целями политических властей при помощи убеждения, образования и соблазна, а не принуждения. Эти новые технологии экспертного социального управления приводят к тому, что самые различные вопросы начинают казаться деполитизированными и техническими, гарантируя победу технических расчетов над существующими логиками борьбы противоположных интересов. Суждения и обсуждения экспертов относительно размера пособия на ребенка или форм ухода за детьми открывали возможности для действия, которые прежде невозможно было даже представить. Но, став важным элементом осуществления политической власти, эксперты приобрели способность производить «огораживание», создавая относительно ограниченные места или поля суждений, в которых сосредотачивался, укреплялся и делался практически непререкаемым их авторитет.

Развитой либерализм

Причины, по которым социальное правительство перестало быть самоочевидным, были разнородными. Сразу же после Второй мировой войны именно тогда, когда одни усвоили урок, что целое производственной

и общественной организации страны в том или ином виде поддается управлению центрального Государства, многие европейские интеллектуалы пришли к ровно противоположному выводу. Наиболее примечательным, пожалуй, было утверждение Фридриха фон Хайека, что логики интервенционистского Государства, проявившиеся в организации социальной и экономической жизни военного времени, были не просто неэффективными и самоубийственными, но и поставили страны на путь перехода к тотальному Государству, каким оно проявилось в нацистской Германии и в сталинском Советском Союзе — они подрывали те самые свободы и демократию, которые они стремились укрепить (Хайек 2005; ср.: Gordon 1987, 1991; последующее изложение основывается на: Rose 1994). Идеи, изложенные в «Дороге к рабству» (Хайек 2005), получили более подробное развитие в ряде последующих текстов: принцип индивидуальной свободы был одновременно источником прогресса и гарантией будущего развития цивилизации; хотя нам необходимо избавиться от горделивой иллюзии, что мы можем — при помощи решений и расчетов властей — сознательно создать «будущее человечества», мы также должны признать, что свобода сама по себе является артефактом цивилизации, что «дисциплина цивилизации... есть в то же самое время дисциплина свободы» (Hayek 1979: 163).

Спустя почти три десятилетия такая критика социального Государства вылилась в политически значимое наступление на рациональность, программы и технологии социального обеспечения в Британии, Европе и Соединенных Штатах. Экономический тезис, озвученный в различных формах левыми и правыми, имел здесь особое значение — идея состояла в том, что рост налогов и государственных расходов на социальное обеспечение, здравоохранение, образование и так далее пагубно сказывался на состоянии здоровья капитализма, отнимая частную прибыль. Левые назвали это противоречие «фискальным кризисом государства», а правые — противоречием между ростом «непроизводственного» сектора социального обеспечения, который не создавал никакого богатства, и «производственным» частным сектором, в котором как раз и создавалось все национальное богатство (O'Connor 1972; Vason and Eltis 1976). Сама социализация капиталистического частного предприятия и рыночных отношений, которое считалось их спасением перед лицом двойной угрозы социализма и морального и социального разложения и распада, теперь казалась противоречащей самому выживанию общества, основанного на капиталистической экономике.

Эти экономические рассуждения прекрасно сочетались с другими вариантами критики социального правительства: неприятием правительства вообще; опасностью неминуемой перегрузки правительства; абсурдностью политиков, пытающихся переиграть рынок, выбирая победителей; заявлениями, что кейнсианское управление спросом подпитывало инфляционные ожидания и вело к ослаблению валюты. Другие утверждали, что меры, направленные на сокращение бед-

ности, на самом деле вели к увеличению неравенства; что попытки помочь обездоленным на самом деле только ухудшали их положение, что введение минимальной заработной платы было невыгодно низкооплачиваемым работникам, так как оно вело к сокращению числа рабочих мест. Кроме того, сами бюрократы государства всеобщего благосостояния вместе со своими специалистами по социальному обеспечению и социальной экспертизе оказались под огнем критики со всех сторон политического спектра — от классических либералов и либертарианцев до левых критиков социального контроля девиаций и социал-демократических активистов, обеспокоенных недостаточной эффективностью социального правительства в деле сокращения неравенства. Казалось, что за их неумными требованиями все большего финансирования их услуг стояла некая скрытая стратегия создания империи и обслуживания узких интересов; что на самом деле от гарантий занятости и социальных программ выигрывали средние классы, а не бедные; и что социальные службы на самом деле разрушали другие формы социальной поддержки — такие как местное сообщество, церковь и семью; что они создавали не социальную ответственность и гражданские чувства, а зависимость и иждивенческие настроения (Murray 1980, Adler and Asquith 1981; Friedman 1982; ср.: Reich 1964, а также анализ этой «риторики реакции»: Hirschman 1991).

В то же время в самой империи велась междоусобная война между группами различных специалистов: экспертов по детям, пожилым, инвалидам, алкоголикам, наркоманам, матерям-одиночкам, санитаров-психиатров, районных социальных работников, специалистов по занятости и многих других. Каждая из этих групп стремилась организовать себя по профессиональному признаку и отстаивать свои права и свободу действий: мир социального обеспечения дробился и дальше вследствие постоянно возрастающего разделения труда и различных концептуальных и политических пристрастий. Точно так же потребители экспертизы стали понимать и относиться к себе и своему «социальному обеспечению» по-новому. В целом ряде секторов индивиды начали переосмысливать себя с точки зрения стремления быть здоровыми и как можно более нормальными. Окруженные образами здоровья и счастья в средствах массовой информации и в маркетинговых стратегиях, используемых в рекламе товаров и режимах потребления, выражая свое недовольство на убедительном языке прав, они создавали свои собственные ассоциации, оспаривавшие власть экспертизы, протестовавшие против отношения, которое казалось теперь покровительственным и лишаящим их всякой самостоятельности, требовавшие увеличения средств, выделяемых на их нужды, и права участия в принятии решений, касающихся их жизни. Перед лицом одновременного умножения, фрагментации, оспаривания и делегитимации места экспертов в социальном правительстве должна была возникнуть новая формула отношений между правительством, экспертизой и субъективностью.

Было разработано множество стратегий. Гражданские либертарианцы стремились окружить экспертов юридическими ограничениями, судами и правами, которые могли корректировать их решения: эти техники были громоздкими, медленными и дорогостоящими и к тому же перераспределяли социальную власть в пользу новых экспертов; в Британии им удалось найти лишь ограниченную опору в реальности (Reich 1964; Adler and Asquith 1981). Левые критики обычно осуждали власть экспертов, видя в ней скрытый социальный контроль со стороны государства, и стремились отделить использование знания от злоупотребления им или освободительное подлинное знание от идеологии, которая искажала и легитимировала осуществление власти в «идеологических аппаратах государства». Радикальная политика экспертизы с ее собственной версией маоистского лозунга «лучше быть красным, чем экспертом» стремилась избавиться от всякой экспертизы (подобно антипсихиатрии и некоторым формам феминизма): «контрэкспертиза», которую они создавали, сама стремительно профессионализировалась, приобретая свои организации, педагогики и так далее. Другая левая политика экспертизы действовала под лозунгом «расширения компетенций» как в некоторых движениях за замену иерархически устроенных и управляемых предприятий рабочими кооперативами (напр.: Cooley 1980). В экономической области, по крайней мере в Британии, подобные инициативы встретили отпор не только со стороны боссов, но и со стороны традиционных представителей рабочих, обеспокоенных эрозией их собственной власти и кооптацией противоположных интересов в некий новый корпоративизм. Аналогичная судьба ожидала и попытки демократизации экспертизы в других областях, вроде психиатрии и права.

Было бы ошибкой утверждать, что неоконсервативные политические режимы, пришедшие к власти в Британии и Соединенных Штатах в конце 1970-х, опирались на связную и проработанную политическую рациональность, которую они затем стремились воплотить в жизнь; и еще большей ошибкой было бы утверждать, что главную проблему они видели в бюрократической и профессиональной власти. Поначалу, несомненно, эти режимы просто стремились разобраться с множеством различных проблем социального государства, чтобы сократить затраты, урезать власть профессиональных лобби и так далее. Но постепенно эти различные стычки рационализировались в сравнительно связную ментальность управления, которая стала называться неолиберализмом. Неолиберализму удалось реактивировать скептическое отношение к политическому управлению, характерное для классического либерализма, благодаря соединению различных элементов риторики реакции с рядом техник, ни одна из которых сама по себе не была особенно новой или примечательной, которые могли сделать эту критику управительной. Пожалуй, главный парадокс неолиберализма состоит в том, что, несмотря на представление себя в качестве кри-

тики политического правительства, она остается программной *a priori*, то есть исходящей из того, что реальность поддается программированию властями: объекты правительства начинают мыслиться так, что их трудности могут быть диагностированы, им могут быть выписаны соответствующие рецепты и назначено лечение (ср.: Rose and Miller 1992: 183). Неoliberalизм не отказывается от «стремления править»: он лишь считает, что неспособность правительства достигать своих целей следует преодолеть при помощи изобретения новых, успешных стратегий управления.

Что же такое «развитое либеральное правление»? Неумеренное прославление или осуждение тэтчеризма вряд ли способно приблизить нас к его пониманию. Но все же можно выделить более скромную, хотя и более длительную трансформацию в рациональностях и технологиях управления. «Развитые либеральные стратегии» можно наблюдать в различных национальных контекстах от Финляндии до Австралии, причем проведением их в жизнь занимаются как правые, так и левые режимы в областях, простирающихся от контроля за преступностью до здравоохранения. Они ищут техники управления, которые создают дистанцию между решениями формальных политических институтов и другими социальными участниками, которые рассматриваются теперь как субъекты ответственности, автономии и выбора, и стремятся воздействовать на них посредством формирования и использования их свободы. Опишем вкратце три характерных сдвига.

1. *Новое отношение между экспертизой и политикой.* Государство всеобщего благосостояния можно считать «содержательной» рациональностью правления: экспертные концепции здоровья, уровни дохода, типы экономической деятельности и так далее более или менее прямо вписывались в машинерию и цели политического управления. Одновременно сами силы, которыми технологии социального обеспечения наделяли экспертов, позволяя им производить «огораживания», отделяя экспертов от внешних политических попыток управлять ими и их решениями и действиями. Напротив, развитые либеральные формы правления имеют некоторый «формальный» характер. Вопросы, некогда зависевшие от позитивного знания человеческого поведения, передаются теперь калькулятивным режимам учета и финансового управления. И «огораживания» экспертизы пронизывались через ряд техник для осуществления критического надзора за властью; наиболее важными из них были бюджетная дисциплина, отчетность и аудит. Они, конечно, опираются на притязания на истину, но эти притязания отличаются от притязаний социальных и гуманитарных наук: этим «неприметным наукам», этим ноу-хау учета, расчета, мониторинга, оценки удастся быть одновременно скромными и всемогущими, ограниченными и все же безграничными в своем применении к таким различным проблемам, как уместность использования медицинской процедуры и жизненность университетского факультета.

Задачей расширения влияния рынков, к примеру, является отделение политических машин от экспертных: очевидная деволуция регулирующих полномочий «сверху» — планирования и принуждения — «вниз» — решениям потребителей. В своей идеальной форме это образ «свободного рынка», где отношения между гражданами и экспертами организуются и регулируются не принуждением, а актами выбора. Речь идет о плюрализации экспертизы, но не путем выбора между противоположными позициями различных групп экспертов, а путем обращения социальных служб — отделов социального обеспечения, жилищно-коммунальных служб, служб здравоохранения — к «покупателям», которые могут выбирать, какие из предлагаемых услуг им «приобретать». Независимо от того, идет ли речь о разделении «покупателя/продавца» в здравоохранении, об «индивидуальном подходе» в социальном обеспечении, об автономизации школ от контроля местных образовательных властей, позволяющей им конкурировать на рынке за учеников, мы наблюдаем изменение политической значимости экспертизы, повышение ответственности экспертов за свои суждения, которые должны соответствовать теперь не только критериям истинности и компетентности, включения их в новые отношения власти.

Точно так же монетизация играет важнейшую роль в преодолении замкнутости социального управления. Перевод деятельности — работы с пациентом, обучения студента, беседы социального работника с тем, кого он обслуживает, — в денежное выражение устанавливает новые отношения власти. Подталкивание людей к сокращению затрат само по себе является разновидностью управления индивидуальным поведением, которое становится мыслимым в соответствии с определенными нормами. Бюджетная дисциплина трансформирует деятельность получателя бюджетных средств, расширяя возможность выбора и одновременно регулируя и создавая новые способы обеспечения ответственности и добросовестности агентов, которые остаются формально автономными. Не просто в составлении бюджета, но в самой «бюджетизации» деятельности, понятия учета и решения отодвигаются на второй план и создаются новые диаграммы силы и свободы.

В этих новых стратегиях управления аудит становится одним из ключевых механизмов ответа на многообразие экспертизы и внутреннюю спорность и неразрешимость соответствующих притязаний на истину. Майкл Пауэр показал, что аудит в самых различных формах начал заменять собой доверие, которое лежало в основе управления, опиравшегося на подготовленных профессионалов (Power 1992, 1994). Как отметил Пауэр, аудит отвечает на «несостоятельность» и незащищенность при помощи «нового управления рисками». Риски нужно сделать управляемыми при помощи новых дистанционных отношений контроля между политическими центрами принятия решений и «неполитическими» процедурами, средствами и аппаратами — такими как школы, больницы или фирмы, — на которые возлагается ответственность за здоровье,

богатство и счастье. В ходе этого происходит трансформация подвергаемых аудиту организаций: они становятся «аудируемыми», а поведение организаций и тех, кто в них работает, делается прозрачным. Аудит может обходиться очень дорого, но он распространяется во времени и пространстве и может касаться многих мест, канализируя и организуя деятельность и связывая центры расчета с местами осуществления по новым векторам. Несмотря на тот факт, что его «эпистемологические качества», возможно, даже ниже, чем у знания, на смену которому он приходит, и что в техниках аудита, в сущности, нет ничего нового, способ его деятельности, основанный на процедурах, а не на содержании, на внешне стабильных и все же бесконечно гибких критериях, вроде эффективности, уместности, результативности, делает его гибкой и весьма мобильной технологией для управления на расстоянии.

2. *Новая плюрализация «социальных» технологий.* Стратегии плюрализации и автономизации, присущие многим современным программам перестройки социальных технологий из разных частей политического спектра, отражают стремление к некоему «государству без управления» и «управлению без государства» — феномен, связанный с мутацией идеи «социального», этого изобретения конца XIX века, которое социология и правительство сделали своим главным объектом и целью. Связь между ответственным индивидом и их самоуправляемым сообществом начала заменять связь между социальным гражданином и обществом таких граждан (ср.: Rose 1996b). В ходе этой мутации происходит отделение центра от различных регулирующих технологий, которые в XX веке он стремился собрать в единую рабочую сеть, и принятие вместо этой формы управления через определение возможностей и устремлений автономных образований: предприятий, организаций, сообществ, профессионалов, индивидов. За этим последовало насаждение определенных форм расчета агентам, замена одних норм, например, служения и верности, другими — например, нормами компетентности, качества и потребительского спроса. Затем были созданы различные сети подотчетности, а потоки подотчетности и ответственности были коренным образом перестроены.

Пожалуй, решающее значение здесь имел демонтаж множества различных видов правительственной деятельности, прежде смонтированных в политический аппарат: феномен, ассоциирующийся в Британии с созданием квазиавтономных неправительственных организаций. Эти организации, которые теперь получили широкое распространение, выполняли функции регулирования, например, регулирования ценных бумаг и инвестиций в финансовом секторе, функции планирования, как в случае с новыми организациями, занимающимися управлением и обновлением городов, функции образования, как в организациях, отвечающих за профессиональную подготовку выпускников школ, обязательства по обеспечению прежде «общественных» услуг, вроде водо-, газо-, электроснабжения, «приватизации» госслужбы, тюрем

и полиции. Это было связано с изобретением и развертыванием множества других мер для управления этими образованиями, мер, акцент которых на внешней объективности и нейтральности чисел подкреплял утверждение, что они теперь действуют в соответствии с аполитичной программой (ср.: Hood 1991). Контракты, цели, индикаторы, показатели производительности, мониторинг и оценка использовались для управления их поведением, предоставляя им определенную автономию в принятии решений и ответственности за свои действия. Замена избирательных механизмов как способов обеспечения демократического контроля через множество промежуточных местных советов новыми техниками подотчетности, вроде представительства «партнеров» из разных «сообществ» — бизнеса, местных жителей, добровольных организаций, местных советов — в правлениях. Соответствующее переустройство политической власти не следует рассматривать сквозь призму противостояния государства и рынка: созданные и спроектированные политическими властями, новые механизмы используются для связывания расчетов и действий гетерогенного множества организаций с политическими целями, управляя ими «на расстоянии» при помощи инструментализации регулируемой автономии.

3. *Новое определение субъекта управления.* Расширение полномочий клиента как потребителя — потребителя медицинских, образовательных, транспортных услуг — по-новому определяет субъектов правления: как активных индивидов, рассматривающих себя как своего рода «предприятие», максимизировать свое качество жизни посредством актов выбора, придать своей жизни смысл и ценность, чтобы ее можно было осмыслить как результат выбора, который уже был сделан или который еще только предстоит сделать (Rose 1992, 1996a). Политический разум должен теперь оправдывать и организовывать себя, рассматривая механизмы, которые соответствуют существованию людей как свободных и автономных по своей сути творений. При этом новом режиме активно ответственной личности индивиды выполняют свои обязательства перед страной не посредством своих отношений зависимости и обязательств друг перед другом, а посредством стремления к *самореализации* в множестве микроморальных областей или «сообществ» — в семьях, на работе, в школах, в досуге, среди соседей. Поэтому проблема в том, чтобы найти средства, позволяющие сделать индивидов ответственными посредством своих самостоятельных индивидуальных решений и тех, кому они верны, формируя образ жизни в соответствии с грамматиками жизни, которые широко распространены, но все же не зависят от политических расчетов и стратегий в своем обосновании и своем осуществлении (Rose 1996b).

Актуализация этой идеи активно ответственного индивида стала возможной благодаря развитию новых аппаратов, которые объединяют субъектов в моральную сеть идентификаций и привязанностей в самих процессах, в которых они принимают свои самые личные решения.

Современные политические рациональности опираются на и используют множество технологий, которые внедряют и поддерживают цивилизирующий проект, формируя и управляя способностями, компетенциями и желаниями субъектов, но при этом не подчиняются формальному контролю «государственных властей». К таким базовым средствам формирования нации, как общий язык, навыки грамотности и транспортные сети, наше столетие прибавило средства массовой информации с их педагогикой документальных фильмов и мыльных опер; опросов общественного мнения и других средств, которые обеспечивают взаимозависимость между властями и подданными; регулирование стилей жизни посредством рекламы, маркетинга и мира товаров; и экспертов по субъективности (Rose 1990). Эти технологии не имеют своего источника или принципа интеллигентности в «государстве», но все же позволяют управлять в «развитом либеральном» ключе. Они создали множество не прямых механизмов, способных переводить цели политических, социальных и экономических властей в решения и привязанности индивидов, помещая их в реальные или виртуальные сети идентификации, которые позволяют управлять ими.

Изменение субъекта управления накладывает определенные обязательства, но также открывает новые возможности для принятия решений и действий. Каждое из двух измерений социального правительства, рассмотренных мною ранее, подвергается преобразованиям. Так, социальное страхование как принцип социальной солидарности сменяется некой приватизацией управления рисками. В этих новых условиях страхование от будущих возможностей безработицы, болезней, старости и тому подобного становится частной обязанностью. Не только в прежде социализированных формах управления рисками, но и во всех остальных решениях, гражданин должен включать будущее в настоящее и научиться просчитывать будущие последствия таких различных действий, как диета и безопасность дома. Так, в обязанности активного гражданина входит освоение благоразумно-расчетливого отношения к судьбе, которая теперь рассматривается с точки зрения просчитываемых опасностей и предотвратимых рисков (O'Malley 1992). И социальная работа как средство прививания цивилизованности уступает место частному консультанту, руководствам в духе «помоги себе сам» и помощи по телефону как практикам, посредством которых каждый индивид связывает себя с советом специалиста как вопросом своей собственной свободы (Rose 1990). Регулирование поведения становится вопросом желания индивида свободно управлять собственным поведением с тем, чтобы максимизировать свое счастье и самореализацию, но такая максимизация образа жизни оказывается связанной с властью в тот самый момент, когда она объявляет себя результатом свободного выбора.

Мы можем наблюдать здесь «обратимость» отношений власти — то, что начинается как норма для насаждения среди граждан, превращается в требование, которое граждане предъявляют властям. Индивиды долж-

ны стать «экспертами по самим себе», принять сведущее и продуманное отношение заботы о себе, своих телах, своих умах, своих формах поведения и членах своих семей. Конечно, эта новая конфигурация имеет свои сложности, свои логики включения и исключения. Но «властные эффекты», конечно, не отвечают простой логике господства или представлению о власти как об «игре с нулевой суммой». Возьмем, к примеру, распространение новых психологических техник и языков «обретения уверенности в себе» (empowerment) для тех субъектов, которые теперь описываются как «маргинализованные» или «исключенные». Неолиберальные политические режимы использовали множество мер для сокращения пособий безработным, дисциплинирования преступников и нарушителей и насаждения личной ответственности, разрушения архипелага институтов, в которых социальное управление изолировало и разрешало свои социальные проблемы. Вряд ли удастся найти желающего минимизировать рост нищеты и обнищания, к которым приводят эти измененные определения ответственности индивидов за свою судьбу. Непросто, скажем, относиться к терминологическому сдвигу, в результате которого безработного начинают называть «ищущим работу», а бездомного — «ночующим в суровых условиях», без цинизма и отвращения. Но эти неолиберальные программы, которые относятся к страждущим так, как если бы они сами были авторами своей несчастной судьбы, имеют общие черты со стратегиями, озвучиваемыми с других политических позиций. С разных точек зрения обездоленный индивид начал рассматриваться как потенциально и идеально активный агент, самостоятельно творящий собственную судьбу. Люди, чья жизнь «лишена» возможности выбора и самореализации, больше не рассматриваются как пассивные получатели социальной помощи: это люди, чья личная ответственность и стремление к самореализации оказались искажены иждивенческой культурой, чьи попытки саморазвития на протяжении долгого времени завершались ничем, вследствие чего они страдали от «сознательной беспомощности» и крайне низкой самооценки. И помочь им должны были не услуги заботливых экспертов, предлагающих социальное обеспечение и пособия, а их участие во всем многообразии программ своего морального преобразования в качестве активных граждан — прививая им навыки саморекламы и восстанавливая их самооценку, программы повышения уверенности в себе позволяют им занять закрепленное за ними по праву место самореализующихся и требовательных субъектов «развитой» либеральной демократии.

Это не значит, что «создание» современного гражданина как активного агента, самостоятельно управляющего собой, является каким-то «изобретением» недавних политических режимов: условия для этого сдвига в нашем «отношении к себе» сложны и не имеют какого-то одного источника или причины (Rose 1995a, 1995b; ср.: Hacking 1986). Тем не менее этическое *a priori* активного гражданства в активном обще-

стве, это переопределение этики личности, является, пожалуй, наиболее фундаментальной и наиболее общей чертой этих новых рациональностей правительства, полностью оправдывающей утверждение, что мы наблюдаем здесь не просто превратности одной политической идеологии — идеологии неолиберального консерватизма, — а нечто более важное, что поддерживает ментальности управления всех сторон политического спектра и что оправдывает описание всех этих новых попыток «переизобретения правительства» как «развитых либеральных».

Причина господства правых на протяжении двух последних десятилетий заключается в том, что именно правым, а не левым удалось артикулировать рациональность правительства, созвучную этому новому режиму личности, развить программы, которые переводят эту этику в стратегии для регулирования конкретных проблем и сложностей, например, тех, что существуют на рынке жилья или в здравоохранении, и изобрести технические формы, которые обещают их разрешить. Именно правые, а не левые наладили связь с «политикой человеческих технологий», которая не просто ставит под вопрос отношения власти между экспертами и их субъектами, но стремится придать этому технологическую форму. Несмотря на всю левую критику государства вместе с властью экспертов и профессиональным и бюрократическим произволом, она не способна предложить альтернативные модели для регулирования этих формирующих граждан средств, которые отвечают потребностям плюральности. Способны ли левые предложить альтернативную рациональность для артикуляции этих плюральных технологий и автономизации этики, не утратив при этом олицетворяемых ими завоеваний и обеспечив защиту тем, кто в ней нуждается? Это потребует от левых артикуляции альтернативной этики и педагогики субъективности, которая была бы столь же убедительной, как и та, что присуща рациональности рынка и «признанию ценности» выбора.

Заключение

Формула либерального правительства, которое я назвал «развитым», гораздо важнее, чем может показаться на фоне краткого расцвета неолиберальной политической риторики. Если стратегии государства всеобщего благосостояния проводились *через общество*, то стратегии «развитого» либерального правления поднимают вопрос о возможности управления без управления *обществом*, то есть управления посредством регулируемых и ответственных решений автономных агентов — граждан, потребителей, родителей, работников, менеджеров, инвесторов — и управления посредством усиления и использования их привязанностей к определенным «сообществам». Будучи автономизирующей и плюрализирующей формулой правления, оно зависит от умножения небольших регулирующих инстанций по всей территории и их умножения на «молекулярном» уровне за счет «пустот» в нашем нынешнем

опыте. Оно зависит также от особых отношений между политическими субъектами и экспертизой, в котором советы экспертов соединяются с нашими собственными проектами самообладания и улучшения нашей жизни.

В этой статье я попытался не столько дать оценку этих новых программ, стратегий или отношений, а, скорее, поставить под сомнение политические логики левых и правых, в которых суждения «за» или «против» настоящего кажутся слишком простыми и самоочевидными. «Свобода», спрограммированная недавними переконфигурациями власти и экспертизы, конечно, не является простым освобождением субъектов от мрачных оков политической власти, когда они, наконец, оказываются на залитых солнцем лужайках свободы и общества. Но в то же самое время она не является идеологическим вымыслом или показной риторикой. Я попытался показать, что свобода, от которой зависят либеральные стратегии управления и которую они используют множеством различных способов, не является «естественным» свойством политических субъектов, которые только и ждут, чтобы их освободили от наложенных на них ограничений, чтобы расцвести в формах, которые гарантируют максимизацию экономического и социального благосостояния. Практики современной свободы были созданы из сложного, хаотичного и случайного сгустка проблематизаций, стратегий управления и техник регулирования. Это не значит, что наша свобода — это обман. Это значит, что агонистическое отношение между свободой и правительством является неотъемлемой составляющей того, что известно нам под именем «свободы». И, на мой взгляд, ключевая задача изучения властных отношений состоит в критическом анализе этих практик свободы.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Фуко М. 1996. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь.
- Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. 2005а. Искусство государственного управления // М. Фуко. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 2. М.: Праксис.
- Фуко М. 2005б. Omnes et singulatim: к критике политического разума // М. Фуко. *Интеллектуалы и власть*. Ч. 2. М.: Праксис.
- Хайек Ф. А. 2005. *Дорога к рабству*. М.: Либеральная миссия.
- Adler M. and S. Asquith (eds.). 1981. *Discretion and welfare*. London: Heinemann.
- Bacon R. and S. Eltis. 1976. *Britain's economic problems: too few producers?* London: Macmillan.
- Burchell G. 1991. Peculiar interests: civil society and governing 'the system of natural liberty.' In: Burchell et al. (1991), 119–150.
- Cooley M. 1980. *Architect or bee: the human/technology relationship*. Slough, England: Langley Technical Services.

- Donzelot J. 1979. *The policing of families* [with a foreword by G. Deleuze]. London: Hutchinson.
- Donzelot J. 1991. The mobilization of society. In: Burchell et al. (1991), 169–180.
- Ewald E. 1991. Insurance and risk. In: Burchell et al. (1991), 197–210.
- Foucault M. 1980. The politics of health in the eighteenth century. In: *Power/knowledge*. C. Gordon (ed.), 166–182. Brighton: Harvester.
- Foucault M. 1989. *Resumes des cours*. College de France, Paris.
- Friedman M. 1982. *Capitalism and freedom*. Chicago: University of Chicago Press.
- Giddens A. 1990. *Consequences of modernity*. Cambridge: Polity.
- Gordin C. 1980. Afterword. In: *Michel Foucault: Power/Knowledge*. C. Gorgon (ed.), 229–260. Brighton: Harvester.
- Gordon C. 1986. Question, ethos, event. Foucault on Kant and Enlightenment. *Economy and Society*. 15 (1), 71–87.
- Gordon C. 1987. The soul of the citizen: Max Weber and Michel Foucault on rationality and government. In: *Max Weber: rationality and modernity*. S. Lash and S. Whimster (eds.), 293–316. London: Allen and Unwin.
- Gordon C. 1991. Governmental rationality: an introduction. In: Burchell et al. (1991), 1–52.
- Hacking I. 1986. Making up people. In: *Reconstructing individualism*. T. C. Heller et al. (eds), 222–236. Paolo Alto, CA: Stanford University Press.
- Hacking I. 1991. *The timing of chance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hayek F.A. 1979. *The Constitution of Liberty*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hirschman A. 1991. *The rhetoric of reaction*. Cambridge, MA: Belknap Harvard.
- Hood C. 1991. A public management for all seasons. *Public Administration*. 69 (1), 3–19.
- Lasch S. and J. Urry. 1994. *Economies of signs and spaces*. Cambridge: Polity.
- Miller P. and N. Rose. 1989. Political rationalities and technologies of government. In: *Texts, contexts, concepts*. S. Hanninen and K. Palonen (eds), 171–183. Helsinki: Finnish Political Science Association.
- Miller P. and N. Rose. 1990. Governing economic life. *Economy and Society*. 19 (1). 1–31.
- O'Connor J. 1972. *The fiscal crisis of the state*. New York: St. Martin's Press.
- Oestreich G. 1982. *Neostoicism and the modern state*. Cambridge: Cambridge University Press.
- O'Malley P. 1992. Risk, power and crime prevention. *Economy and Society*. 21 (2). 283–299.
- Osborne T. 1994. Bureaucracy as a vocation: governmentality and administration in nineteenth century Britain. *Journal of Historical Sociology*. 7 (3). 289–313.
- Parton N. 1991. Governing the family: child care, child protection and the State. London: Macmillan.
- Pasquino P. 1991. «Theatrum Politicum»: the genealogy of capital—police and the state of prosperity. In: Burchell et al. (1991). 105–118.
- Power M. 1992. The audit society. Paper delivered to London History of the Present Research Network, 4 November 1992.
- Power M. 1994. *The audit society*. London: Demos.
- Procacci, G. 1989. Sociology and its poor. *Politics and Society*. 17. 163–187.
- Rabinow P. 1989. French modern: norms and forms of the social environment. Cambridge, MA: MIT Press.
- Reich C. 1964. Individual rights and social welfare. *Yale Law Journal*. 74. 1245.
- Rose N. 1985. The psychological complex: psychology, politics and society in England, 1869–1939. London: Routledge and Kegan Paul.
- Rose N. 1987. Beyond the public/private division: law, power and the family. *Journal of Law and Society*. 14 (1). 61–76.

- Rose N. 1990. *Governing the soul: the shaping of the private self*. London: Routledge.
- Rose N. 1992. Governing the enterprising self. In: *The values of the enterprise culture: the moral debate*. P. Heelas and P. Morris (eds). 141–164. London: Routledge.
- Rose N. 1993. *Towards a critical sociology of freedom*. Inaugural Lecture delivered on 5 May 1992 at Goldsmiths College, University of London: Goldsmiths College Occasional Paper.
- Rose N. 1994. Eriavoisuus ja valta hyvinvointivaihtajien jaikkeen. *Janus*. 1. 44–68.
- Rose N. 1995a. Authority and the genealogy of subjectivity. In: *De-traditionalization: authority and self in an age of cultural change*. P. Heelas, P. Morris, S. Lash (eds). Oxford: Basil Blackwell.
- Rose N. 1995b. Identity, genealogy, history. In: *Questions of cultural identity*. S. Hall and P. du Gay (eds). London: Sage.
- Rose N. 1996a. *Inventing our selves: psychology, power and personhood*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rose N. 1996b. The death of the social? Refiguring the territory of government. *Economy and Society*. 25 (3). 327–346
- Rose N. and P. Miller. 1992. Political power beyond the state: problematics of government. *British Journal of Sociology*. 43 (2). 172–205.